

Анотація

Ця стаття присвячена своєрідності репрезентації дискурсу міста в романах раннього періоду творчості американського митця Сола Беллоу: “Між небом і землею” (Dangling Man, 1944), “Жертва” (The Victim, 1947), “Пригоди Огі Марча” (The Adventures of Augie March, 1953) і “Герцог” (Herzog, 1964). У науковому дослідженні обстоюється думка про домінування урбаністичних мотивів у творах американського митця. Метафоричний образ міста Чикаго та Нью-Йорка як божевільної урбаністичної стихії і “грішної землі” позначив одну з “больових точок” модерністської прози США – знеособлення людини, що постає характерною рисою протагоністів Сол Беллоу.

Ключові слова: дискурс міста, урбаністична культура, деперсоналізація.

Аннотация

Эта статья посвящается особенности репрезентации дискурса города в романах раннего периода творчества американского писателя Сола Беллоу: “Между небом и землей” (Dangling Man, 1944), “Жертва” (The Victim, 1947), “Приключения Оги Марча” (The Adventures of Augie March, 1953) и “Герцог” (Herzog, 1964). В научном исследовании отстаивается мысль о доминировании урбанистических традиций в произведениях американского художника. Метафорический образ города Чикаго и Нью-Йорка как хаотичной урбанистической стихии и “грешной земли” определил одну из “болевых точек” модернистской прозы США – деперсонализацию личности, являющуюся характерной чертой героев Сола Беллоу.

Ключевые слова: дискурс города, урбанистическая культура, деперсонализация.

Summary

This article focuses on the peculiarities of the representation of the city discourse in the Bellow's early novels: “Dangling Man” (1944), “The Victim” (1947), “The Adventures of Augie March” (1953) and “Herzog” (1964). It is considered that Bellow is the leading exponent of the urban tradition in the Postwar American literature. The metaphorical image of city Chicago and New York as distracted urban element, “sinful land” designates one of the “painful points” of the American Literature of Modernism – depersonalization, which is inherent to Bellow's protagonists.

Keywords: city discourse, urban culture, depersonalization.

УДК 821.161.1.021(075.8)

Шевченко Л.И.,

доктор филологических наук,
Университет Яна Кохановского
(Кельце, Польша)

РУБЛЕВКА КАК ЛОКУС МОСКОВСКОГО ТЕКСТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Проблемам изучения урбанистической цивилизации, специфики репрезентации образов тех или иных городов, городских топосов, городского текста как такового в произведениях художественной литературы посвящено в последние десятилетия немало работ отечественных и зарубежных философов, культурологов, семиотиков и, конечно же, литературоведов. Развивая идеи таких исследователей проблемы взаимодействия городского пространства и художественного текста, как: Н. Анциферов, П. Столпянский, Ю. Лотман, Б. Успенский, Вяч. Иванов, В. Топоров, З. Минц, М. Гаспаров, Ю. Цивьян,

Р. Тименчик, свои изыскания по мифологии, поэтике, культурологии и феноменологии города, городскому тексту, трактуемому как свертхтекст, посвящают С. Андрусив, О. Губарь, А. Зверева, Й. Догнал, И. Кондаков, Ф. Коэн, Т. Космеда, В. Кривонос, Н. Корниенко, Н. Крутикова, И. Лукьянец, Л. Лютвак, Ю. Манн, Н. Меднис, А. Муратов, В. Наривская, Б. Носик, Л. Прохорова, А. Ранчин, Р. Спивак, Л. Стародубцева, А. Степанова, М. Талалай, В. Тюпа, С. Федякин, Р. Хьюз, Т. Цивьян, Я. Цымбал и др. Среди городских текстов активно исследуются петербургский, московский, пермский, челябинский, петрозаводский, киевский, львовский, одесский, римский, парижский, венецианский, флорентийский, берлинский, лондонский, нью-йоркский и иерусалимский. Изучаются итальянский и крымский тексты, а среди так называемых “персональных городских текстов” в литературе внимание исследователей привлекают пушкинский, гоголевский, чеховский, блоковский и шевченковский. Вместе с тем большинство из них не исследованы до конца, а отдельные вызывают ожесточенные споры.

Неисследованным до конца, не смотря на обилие публикаций, представляется нам и московский текст в современной литературе. Невозможность его анализа через призму концепций “Москва – Третий Рим” и “Москва – новый Иерусалим”, как и через традиционное установление отношений “Москва – Северная столица”, в которых “Москва, московское пространства (тело), противопоставляется Петербургу и его пространству, как нечто органичное, естественное, почти *природное* <...>, возникшее само собой, без чьей-либо воли, плана, вмешательства, – неорганичному, искусственному, сугубо “культурному”, вызванному к жизни насильственной волей в соответствии с предумышленной схемой, планом, правилом” [12, 20], – со всей очевидностью выявляется в прозе последних лет и особенно в массовой литературе [13]. В ней Москва предстает уже не исторически сложившимся развивающимся урбанистическим образованием, не оплотом идей православия, ареалом национальной ментальности, русскости, и не как символ державы, а как эпицентр капитализации государства с присущими для этапа первоначального накопления капитала реалиями, новой и характерной для времени мифологией, с новой системой присущих периоду глобализации кодов культуры. Некогда знаковые пространства и топосы (Красная площадь, Кремль, собор Василия Блаженного, Тверская, Арбат, Замоскворечье, Черемушки, Лубянка и площадь у трех вокзалов, Таганка, МХАТ, проч.), еще в прошлом столетии определяющие парадигму ментального восприятия города, в массовой литературе служат лишь фоном, а доминантными точками стольного города, его новыми “храмами” предстают ныне банки, торговые и развлекательные центры и рестораны, VIP-клубы. Практически полное игнорирование исторического текста Москвы связано с превращением города в унифицированный мегаполис и с усилением власти денег. Внимание с “точек культуры”, духовности переносится на телесное, вещное: акцент попадает на то, что является знаковым в обществе потребления. Цивилизация, техника доминируют над культурой. “Город, как сложный семиотический механизм, генератор культуры”, представляющий собой

“котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням” <...>, город как “механизм, постоянно рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно”, – разрушается. “С этой точки зрения, – как утверждает рассуждая о Петербурге и петербургском тексте в русской литературе Ю. Лотман, а его выводы и для нас не теряют значения, – культура и техника противоположны: в культуре работает вся ее толща, в технике – только последний временной срез” [5, 325].

Характерная для русской ментальности модель совмещения центра и символа государственной власти в произведениях массовой литературы также претерпевает значительные трансформации, а сам символ этого центра (Кремль) выполняет декоративную функцию. Примечательным в этом плане представляется тот фрагмент из произведения С. Минаева “The Телки. Повесть о ненастоящей любви”, в котором герой-повествователь, устав от шопинга, сидит на первом этаже ГУМа в “Bosco Café” и, попивая остывший латте и рассматривая посетителей, вдыхает “витающие вокруг ароматы. От торговых рядов пахнет стеллажами с новой одеждой, распродажами и достатком, со стороны Кремля веет кожей, которой обтягивают сиденья представительских лимузинов, кожаными папками и военной формой, в кафе пахнет парфюмом с цитрусовыми нотками, каким-то похотливым ферментом и алкоголем. И надо всем этим доминирует ГЛАВНЫЙ запах. Он везде: у барной стойки, в складках скатертей на столах, в волосах сидящих здесь девушек, в папках меню. Им пахнут официанты, посетители и празднующие гости столицы. Это запах свежееотпечатанных стодолларовых купюр. Здесь повсюду пахнет деньгами! Масква!” [6, 80].

“В этот час здесь, – читаем далее, – сидят только иностранные менеджеры, одетые преимущественно в голубые рубашки с запонками и костюмы блекло-синих тонов и отшопингованные телочки на содержании. Менеджеры в основном без галстуков, с легким загаром и в очках в тонких металлических оправках. Пиджаки сняты и висят на спинках кресел. Из их уст слышится: “хорошие перспективы”, “город невероятно изменился”, “рост экономики” и “отличные финансовые результаты”. Телочки в основном с легким тюнингом, в босоножках на тонкой подошве и кричащих полупрозрачных нарядах. Кричащих не о том, что стоимость наряда превышает пятерку, а о том, что стоимость пластики под ним давно превысила десятку. С губ прелестниц слетают: “хороший промежуточный вариант”, “в жестком поиске”, “цены неподъемные” и “зато денег стал давать нормально”. Персонажи обеих групп изредка переглядываются. Девушки, стрельнув глазами в сторону какого-нибудь менеджера, тут же насмешливо переводят взгляд, быстро скалькулировав в уме его годовой доход. Мужчины чуть дольше разглядывают девицу, но затем также отворачиваются, пересчитав пакеты с покупками, сваленные у ног, и скалькулировав годовое содержание модницы. И все это происходит на фоне Кремлевской стены, высящейся за окнами кафе. Кажется, она тоже наблюдает за происходящим и усмехается, чуть сдвинув на затылок рубиновую звезду Спасской башни” [6, 81].

Столь обширный фрагмент из романа С. Минаева нами приводится не случайно. Подобные описания жизни столицы в произведениях массовой литературы уже стали штампом. В них налицо акцентация не того, что ассоциируется с духовностью и традицией, а того, что свидетельствует об усилении интереса к телесности, к материальному, вещному и что знаково в обществе потребления. Речь идет о периоде “присвоения” поколением “новых русских” и их окружением внешних форм бытования, характерных для олигархов стран Запада в представлении их на страницах гламурных изданий. Однако подобное “присвоение” носит лишь внешний характер. Власть денег имеющими их пока не отрефлектирована. Отсюда – мотив театральности и “игры на продажу”, подчеркивание того, что все носит симулятивно-позиционный характер, разоблачение этой симулятивности и в данном случае – ирония повествователя – автора светских хроник, “гламур-менеджера”, считающего себя “провайдером духовности” [6, 126], себя позиционирующего по моделям, которые предлагают глянцевого издания, и эти модели выстраивающего в своей практике для других. “Мы, – заявляет он, говоря о себе и других журналистах, – носители сакрального знания. Мы развиваем и доносим до людей тренды и правильные понятия, сокращая время, которое они потратили бы на решение вопросов, что купить, куда сходить и где поесть. Мы обогащаем их лексикон и интеллектуальный багаж фразеологизмами и речевыми оборотами: большинство славных представителей московской тусовки, несмотря на проживание в окрестностях Рублевского шоссе, не умеют внятно излагать свои мысли” [6, 126]. И здесь остается добавить лишь только то, что и он, и такие, как он, – суть создатели новой уже мифологии.

Среди тех, с кем герой контактирует, – “почти все дачники. Селяне. Рублевские, одним словом...” [6, 343]. И это отнюдь не случайно. Рублевка как часть ареала Москвы, место обитания *новых богов* – олигархов и их окружения представлена в произведениях массовой литературы как локус московского текста, и место действия в них зачастую уже переносится с центра традиционного на Рублевку, теперь как бы в новый центр, а по сути, – духовную периферию. Она изображается как “увиденная глазами”: 1) тех, кто на ней обитает; 2) кто к ней приобщен и о ней создает для толпы свои мифы; 3) тех, для кого принадлежность к ней, к ее жителям недостижима. Причем для всех этих “видений” характерна как мифологизация ее образа, так и развенчивание, любование ею, “дешевый восторг” и – ирония. Миллион, за который он продал бы душу дьяволу, для студента, отправленного агентством “Хочешь разбогатеть – спроси меня как!” в США, – “навороченный дом на Рублевке и какая-нибудь шалава капризная. Ну, может, две шалавы. А дальше что?” [11, 194]. Ему этого мало. Вместе с тем для толпы и Рублевка, и дом на ней – символ успеха, зажиточной жизни. Для нее она – рай или тот субститут идеального Града, который во все времена был взыском толпой.

В произведениях С. Минаева “The Телки. Повесть о ненастоящей любви”, О. Робски “Casual-2: Пляска головой и ногами”, “Эта Тета”, В. Пелевина “Зал поющих кариатид”, “Пространство Фридмана”, Д. Липскерова “Демоны в раю”

Рублевка представлена как резерват олигархов и локус московского текста. Однако в них нет текстуализации ее архитектурного пейзажа, если не считать вскользь упоминаемую В. Пелевиным “вавилонскую архитектуру рублевских особняков” [8, 211], появление которой автор объясняет следующим образом: “Значительная часть современной массовой культуры работает по схеме, которую в профессиональных кругах называют “мельница-3”: небогатые люди продают совсем бедным свои фантазии о жизни богатых, очень богатых и сказочно богатых. Иногда эта схема разнообразится какой-нибудь яркой деталью: небогатый человек демонстрирует желтой прессе домик на Рублевке или выдает на-гора какую-нибудь случайно подсмотренную примету олигархического быта (вроде сакраментальной фразы “как похорошела столица Чукотки”, которую олигархи произносят по прибытии в Лондон). Этот вполне закономерный и даже по-своему красивый механизм обладает, однако, одной опасной особенностью – нередко сами богачи стремятся узнать, как они живут, изучая размышления на этот счет людей если и не совсем нищих, то достаточно близких к этому состоянию” [8, 211], и создаваемый о них миф продуцирует их же дальнейшее поведение (“в соответствии с...”) и организуемую для них их дизайнерами среду.

В произведениях массовой литературы Рублевка овеяна мифами, в которых она предстает как 1) аналог *Небесного града*, 2) земная реальность для *недостижимых* и 3) ареал с разветвленной подземной структурой, в которой *небесные жители* обретают черты inferнальных существ. В их единстве она изоморфна столице, причем изображение у В. Пелевина расположенного “на глубине в триста метров под землей” способного “выдержать прямое попадание ядерной бомбы” фантастического комплекса, выполняющего “функции бомбоубежища для национальной элиты на случай войн и терактов”, что в мирное время “станет закрытым развлекательным центром, который элита сможет конфиденциально посещать, не покидая района проживания” [7, 17], отсылает к мифическим сооружениям под Москвой времен Сталина, но уже в профанированном варианте. Сверхзадача этого подземного сооружения для олигархов – “воспроизвести тот дурманящий мираж, которым их привлекает Запад, по нашу сторону границы. Тогда мы обезопасим стратегические ресурсы отчизны и заодно сохраним в России те огромные средства, которые олигархи тратят на свои безобразия. Это, если хотите, один из приоритетнейших национальных проектов сегодняшнего дня” [7, 14], – заявляет выступающий перед сотрудниками подземного комплекса лектор.

В изображении “реальной”, “наземной” Рублевки отсутствует вертикальная доминанта, сама же ее территория не структурирована. Это нам кажется не случайным, ведь данный коттеджный район для богатых построен недавно, и его карта фиксирует мощный стихийный процесс накопления капиталов; сверхзадача обогащения населяющими ее пока не определена, а духовное – нивелировано. Не найдем мы в произведениях и панорамы Рублевки или же взгляда на этот район хоть с какой-то возвышенной точки, что было бы ее символической

саморефлексией: это ей в совокупности ее жителей на сегодняшний день не дано, до духовных исканий она еще “не доросла”.

Рублевка достаточно дистанцирована от центра гигантского мегаполиса, однако живущие здесь “селяне” ментально оторваны как от сложившихся исторически предпочтений национальной культуры, так и от природы, ее естества, и предпочитают естественному все искусственное. Воплощением естественного начала, с помощью которого они вступают в какие-то отношения с миром природы, что в метафизике этих произведений могло бы расцениваться как порыв к трансцендентному, у О. Робски в “Casual-2” является лишь любование героиней звездами и растущей у коттеджа сосной. У В. Пелевина в “Зале поющих кариатид” оно заявлено в галлюцинациях героини, в которых она контактирует с богомолем и, как бы раздваиваясь в своем сознании, выступает одновременно и девушкой, и насекомым. В эти моменты, как отмечает автор, “никакого противоречия между двумя Ленами не было. Но между ними имелась большая разница. Там, где Лена была человеком, она была фальшивой каменной бабой, которая несла долгую вахту в одном из вспомогательных помещений подземного дома толерантности. А там, где Лена бала богомолем, она была... Вот там она была человеком” [7, 48]. У обоих авторов контакт героинь с природой как бы выводит их за пределы Рублевки, напоминает о вечности, милосердии, настоящей любви. Однако то, что “идет от природы”, используется на Рублевке утилитарно: у О. Робски в конечном итоге сосна выполняет роль новогодней елки, а у В. Пелевина именно добываемое из богомоллов особое вещество служит основой для изготовления препаратов, которые вводят вводят девчонкам, обслуживающим олигархов в подземном притоне. Так “город дачников” в Граде-Москве – мечта о гармонии цивилизации и природы, в основе которой лежит архетип “город-сад”, обретает иное лицо – город-ад, и второе обличье Рублевки “работает” на разрушение мифа о ней. Герои же обретают свое естество лишь когда покидают пространство Рублевки: у О. Робски, когда героиня решается переехать со своим возлюбленным в Краснодар [9, 283], а у В. Пелевина – когда Лена уже окончательно “переселяется” в мир богомоллов, становится богомолем сама, видит “светлое... Чистое...” [7, 118].

В сознании многих – к Рублевке ведут все пути. Не случайно у О. Робски герой замечает: “Сел в машину и поехал куда глаза глядят. Как ни странно, через час оказался на Рублевке” [10, 243]. Дорога к ней становится местом принятия разных решений [10, 19], поворотным моментом судьбы [4, 19], а для тех, кто “не вписан” в Рублевку, – и местом гибели [4, 286; 10, 221].

Будучи территорией компактного расселения “новых русских”, Рублевка в произведениях современной массовой литературы имеет свою специфическую географию. В качестве знаковых мест здесь представлены банки, рестораны (“Марио”, “Веранда”, “Причал” и др.); стриптиз-бары, отели, торговые центры; бутики (Armani, Prado, Loro Piana и др.); стоянки, заправки и проч.: “все очень удобно устроено на Рублево-Успенском шоссе” [10, 63]. Все эти топосы в разных произведениях воссоздаются почти “под копирку”, они семантически связаны,

изображают “портрет всей среды” и, как правило, развивают мотив позиционирования как поведенческой установки тех, кто живет здесь, дают код прочтения их интересов, “работают” на единый свертхтекст.

Описание топоса знакового для Рублевки дома-коттеджа у всех авторов реализуется с помощью последовательного перечисления имеющихся в нем помещений с упоминанием стоимости наличествующего в их интерьерах. К примеру, у героини-повествовательницы романа О. Робски “Cusual-2: Пляска головой и ногами” рублевский “дом как волшебный замок, и расположен он <...> в самом престижном месте этой сказочной страны” [9, 119]. В нем есть гостиная и гостевая, детская и игровая комнаты, раздевалка, не говоря уже о многочисленных спальнях и прочих комнатах, кухне и др. Однако, иронизируя над собой, героиня признается, что особенно гордится тем, что у нее “дома довольно много туалетных комнат, в некоторых из них стоит по два ершика. В некоторых – три”. Купленный ею новый ершик “сделан в форме сердца, где стрела – сама щетка. Сто восемьдесят евро” [9, 55], и эта снижающая деталь расставляет все точки над “і”.

В произведениях массовой литературы “Москва – столица России”, и даже для фантастических инопланетян в ее ареале “самый благоприятный регион – Рублевское шоссе. Здесь наиболее полно представлены те из популяции землян, кто способен выживать при любых условиях, даже во время смуты” [10, 11]. Все, кто имеет к Рублевке какое-то отношение, наделяются особенным ореолом: “Здесь, в этой местности, любая девушка – не просто чья-то жена или чья-то дочь” [10, 88]. Здесь выходит своя газета “На Рублевке” [9, 287] и даже издана книга “Рублевская кухня”. Сюда нелегко попасть, и “на Рублевке не каждый может удержаться... тут главное не быть идиотом!” [10, 232].

Рублевка не густо заселена и заявлена целым комплексом образов, среди которых наиболее часто встречаются олигархи, их жены и женщины на содержании, проститутки и сутенеры, работники шоу-бизнеса, СМИ и рекламы, телохранители, приходящие в дом для обслуживания массажисты и визажисты, индивидуальные тренеры, няни и домработницы. Среди вымышленных персонажей мелькают также фигуры овечных мифами знаковых представителей мира реального. Это сами же создатели массовой литературы Оксана Робски и Сергей Минаев [6; 8], аудиозвезд Ксения Собчак и художник Олег Кулик, а также известный российский сводник Петр Листерман – проповедник “особой морали”, действительно в интервью заявляющий, что он – “герой времени”, помогающий людям “жить счастливо и весело”: к нему “идут все: государственные чиновники, бизнесмены, лесбиянки, геи” [2, 21]. Для репрезентации этих персонажей авторы чаще всего используют так называемый вестиментарный код, “состоящий из знаков реальной одежды, который направлен непосредственно на конструирование означаемых” [1, 45]. При этом детальные описания здесь, как правило, отсутствуют, и визуальный портрет создается набором отсылок к известнейшим брендам по типу: он – “в стильном костюме Paul Smith и в шейном платке Hermes” [10, 73], у нее – “золотая сумочка Yves Saint Laurent”. Это нам видится неслучайным, ведь в обладающем своей мифологией обществе

потребления бренды рассматриваются как “идентификаторы (и только как таковые), то есть знаки, символизирующие их владельца <...>” [3, 165]. Актуализируя устойчивые ассоциативные связи в сознании массового читателя, бренды-отсылки “работают” на закрепление мифа о тех, кто живет на Рублевке. Одновременно их маркеры служат и ложной аффилиации (самоприсоединению к группе), когда те, кто читают подобные произведения, склонны почувствовать свою причастность к изображаемому срезу общества и получить от этого удовольствие, даже если в реальности они не могут к нему принадлежать.

Характеристику тех, кто живет на Рублевке, существенно дополняют марки принадлежащих им дорогих автомобилей, бытовой техники и электроники. Большое внимание уделяется также упоминанию блюд и напитков, которые потребляют герои. Среди них чаще всего встречаются: пицца диавло, унаги, яйцо “Бенедикт”, омар по-каталонски, филе “Россини” с утиной печенью и трюфелями, печень по-венециански, сибас в шпинате с трюфельным соусом, а также “Benefizio Pomino Bianco Doc” 2004 года <...>. От Marchesi De’Frescobaldi” [9, 303], “Giorgio Primo Chanti Classiko DOC CG” 2002 года от Fattoria la Massa” [9, 253] и прочие недоступные многим шедевры кулинарии и виноделия. При этом им в тексте нередко сопутствует ценник по типу: “Laurent-Perrier Brut”. По 180 евро бутылка” [9, 10].

Обитая в пространстве Рублевки, ее представители всячески стремятся поддерживать атмосферу красивой богатой жизни по образцам, предлагаемым им как рекламой, так и теми, кто пишет о них же в гламурных журналах. Среди их основных занятий авторами фиксируются участие в разных тусовках и презентациях, бизнес и ведение разного рода интриг, встречи с друзьями, застолья и шопинг, катание на машинах и яхтах, занятия на тренажерах и посещение фитнес-клубов, проч. Среди чувств, настроений героев особенно часто встречаются стремление утвердиться, сыграть роль и – расслабиться, зависть, ревность, любовь к себе, самолюбование, проч. Их изображение воплощает определенную модель бытия как специфического феномена культуры. Совокупность же текстов, в которых Рублевка представлена, формирует сверхтекстовое единство, стабильную семантику которого обеспечивает функционирующий в массовом сознании миф о ней как о резервате для олигархов. Этот локус московского текста, актуализируемый в огромном количестве произведений массовой литературы, одновременно и создает уже свой новый миф, и его разрушает, что характерно для прозы эпохи постмодернизма.

Литература

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт ; пер. с фр., вст. ст. и сост. С. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
2. Громов В. Известный российский сводник Петр Листерман : “Ленни Кравиц, увидев вашу Лободу на “Евровидении”, мечтает через меня с ней познакомиться”. Скандальный светский персонаж будет вести брачное шоу на телеканале “Тонис” / В. Громов // Факты. – № 25 (609), 29 июня, 2009 г. – 26 с.

3. Косов А. В. Феноменологический анализ мифа как результата социальной мифологизации и ремифологизации / А. В. Косов. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2008. – 352 с.
4. Липскеров Д. Демоны в раю / Д. Липскеров. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 350 с.
5. Лотман Ю. Символика Петербурга // Ю. Лотман. Семиосфера, культура и взрыв, внутри мыслящих миров : статьи, исследования, заметки. – СПб. : Искусство – СПб, 2004. – 704 с.
6. Минаев С. The Телки. Повесть о ненастоящей любви / С. Минаев. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 535 с.
7. Пелевин В. Зал поющих кариатид / В. Пелевин // Пелевин В. Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана. – М. : Эксмо, 2008. – 288 с.
8. Пелевин В. Пространство Фридмана / В. Пелевин // Пелевин В. Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана. – М. : Эксмо, 2008. – 288 с.
9. Робски О. Casual-2 : Пляска головой и ногами / О. Робски. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 320 с.
10. Робски О. Эта Тета / О. Робски. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – 316 с.
11. Снегирев А. Как мы бомбили Америку / А. Снегирев. – СПб. : Лимбус Пресс, ООО “Издательство К. Тублина”, 2007. – 256 с.
12. Топоров В. Н. Петербург и “Петербургский текст русской литературы” / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избранные труды. – СПб : Искусство – СПб, 2003. – 616 с.
13. Черняк М. А. Массовая литература конца XX века / М. А. Черняк // Русская литература XX века : школы, направления, методы творческой работы : учебник [для студентов высших учебных заведений] / В. Н. Альфонсов, В. Е. Васильев, А. А. Кобринский и др. ; под ред. С. И. Тиминой. – СПб. : Издательство “Logos” ; М. : Высшая школа, 2002. – 586 с.

Аннотация

В статье анализируются произведения С. Минаева “The Телки. Повесть о ненастоящей любви”, О. Робски “Casual-2: Пляска головой и ногами”, “Эта Тета”, В. Пелевина “Зал поющих кариатид”, “Пространство Фридмана” и Д. Липскерова “Демоны в раю”. Представленная в них в качестве локуса московского текста Рублевка рассматривается как специфическое сверткестовое единство, обладающее семантической связанностью всех компонентов и общим кодом прочтения. Миф о ней одновременно выстраивается и разрушается тонкой иронией, что характерно для массовой литературы эпохи постмодернизма.

Ключевые слова: массовая литература, городской текст, московский текст, Рублевка, локус, топика, код прочтения.

Анотація

У статті аналізуються твори С. Мінаєва “The Телиці. Повесть про несправжнє кохання”, О. Робскі “Casual-2: Танець головою й ногами”, “Ця Тета”, В. Пелевіна “Зал співаючих кариатид”, “Простір Фрідмана” і Д. Ліпскерова “Демони в раю”. Представлена в них як локус московського тексту Рубльовка розглядається як специфічна сверткестова єдність, яка має семантичну зв'язність усіх компонентів і загальний код прочитання. Міф про неї одночасно вибудовується та руйнується тонкою іронією, що характерно для масової літератури епохи постмодернізму.

Ключові слова: масова література, міський текст, московський текст, Рубльовка, локус, топика, код прочитання.

Summary

The article analyzes the works of S. Minayev “The Chicks. A novel about fake love”, “Casual-2: a dance with head and feet” and “This Teta” by O. Robsky, “The hall of singing caryatides” and “Fridman’s Space” by V. Pelevin and “The demons in paradise” by D. Lipskerov. Rubliovka, which is

presented in these works as a locus of the Moscow text is viewed as a specific supra-textual unity, that possesses semantic coherence of all components and a common reading code. A myth about it is simultaneously built and destroyed by subtle irony, which is inherent to the mass literature of the postmodernism epoch.

Keywords: mass literature, urban text, Moscow text, Rubliovka, locus, topics, reading code.

УДК 801.81(477)

Телеуця В.В.,
кандидат філологічних наук,
Ізмаїльський державний гуманітарний університет

ОСНОВНІ ЧИННИКИ ЗБЕРЕЖЕННЯ ФОЛЬКЛОРНОЇ ТРАДИЦІЇ В УМОВАХ СУЧАСНОГО МІСТА (НА ПРИКЛАДІ ФОЛЬКЛОРУ ПОДУНАВ'Я)

Традиційна культура українського народу – явище унікальне, неповторне і багатогранне. Кожна з існуючих у світі культур країн, народів, націй неповторна й унікальна, є невід'ємною складовою скарбниці світової культури. На повнокровний розвиток етнічної культури впливає широке коло чинників, таких як: історичний шлях народу, відособлення або взаємовплив з іншими народами; соціальні, економічні, екологічні умови; культурна політика держави і т.п. При цьому національна культура повинна розглядатися як цілісна система, що включає і фольклорно-етнографічні шари, і внесок в неї різних верств населення протягом тривалого історичного шляху, і вплив культури інших народів, і досягнення вихідців з країни, які проживають за її межами. Кожний народ в культурній сфері створює своєрідний, властивий тільки йому образ. “Усі ці духовні надбання засвоюються й зберігаються завдяки одному з найцінніших проявів людської культури – традиції, яка не лише зв'язує теперішнє з минулим, але й передає наступним поколінням” [4, 213].

Сутність етносу проявляється насамперед в його культурі. Трансформація етносу, зокрема набуття ним національних ознак, пов'язана в тому числі зі зміною етнічної культури, в структурі якої з'являються національно-державні цінності. *Під етнічною культурою прийнято розуміти успадкований комплекс соціальної практики та системи вірувань, традицій і звичаїв, що певним чином визначають спосіб життя етносу* [3].

У вітчизняній етнографічній науці склалося так, що інтереси дослідників концентрувалися переважно на вивченні етнічної культури (традицій, звичаїв, обрядів, ритуалів), залишаючи осторонь осмислення національної культури. Коли ж про неї все-таки йшлося, то здійснювалося це, як правило, з односторонніх позицій, у прокрустових рамках ідеологізованих концепцій. При цьому визнавалися лише такі постулати: культура будь-якого етносу є всього-на-всього складовою інтеретнічної загальнорадянської культури; культура населення республік, якими б вони не були багатонаціональними, однотипна й одноманітна; національна культура може розвиватися тільки у напрямку уніфікації та стандартизації. Отже, виходило, що у національних культур немає майбутнього, і чим скоріше завершиться всесвітня